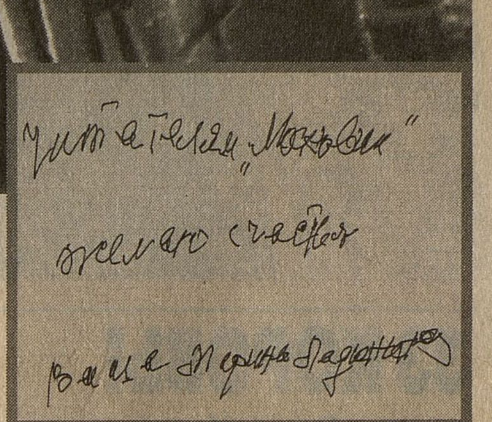
ЗАВАЛИНКА

Что нужно, чтобы увлечь интервьюера так, что он периодически забывает задавать вопросы? Ответ: быть Мариной ЛАДЫНИНОЙ, гениальной актрисой, которая в 30–40-е годы сводила с ума кинозрителей гигантской страны. Ее образы: Глаша ("Свинарка и пастух"), Галина Ермолаевна ("Кубанские казаки") и другие — уникальны. Шли мы к ней с замиранием сердца: Марина Алексеевна долго не соглашалась на интервью, хотя совершенно лишена пафоса по поводу собственной звездности (сразу с порога заявила: "Звезды бывают только на небе!"), хорошо себя чувствует (вопреки злым языкам), очаровывает людей и шутит похлеще телеэкранных сатириков-юмористов.

ВЕЛИКАЯ ГЛАША

Только "МК" Марина ЛАДЫНИНА рассказала эксклюзивные подробности своей жизни



— Отгадайте загадку, которую придумал мой товарищ Никита Богословский, — простецки начинает она, чтобы разрядить обстановку. — 11 лауреатов в одной постели. Кто это?

— Не знаем...

— Мы с Иваном Пырьевым, — заливисто смеется Марина Алексеевна. — Я лауреат пяти Сталинских премий, а Иван — шести.

— Кстати, мы с вами знакомы, — уже серьезно говорит Марина Алексеевна. — В прошлом году вы приходили ко мне с вопросом, помню ли я Шурочку Лазикову, мою дублершу по фильму "Свинарка и пастух". Ваша заметка мне понравилась — с юмором. А я не могу без него жить. К тому же "Свинарка и пастух" — самый любимый фильм, напоминающий истоки моей жизни. Я, как Глаша, приехала в Москву поступать в институт в длинном пальто по деревенской моде, когда все уже ходили в мини. Как она, впервые увидела машины... Я только удивилась подзаголовку той статьи: "Знаменитая свинарка так и осталась в хлеву". "Она же была у меня дома — разве он похож на хлев?!" — подумала тогда я.

Дому Марины Алексеевны до хлева далеко, впрочем, как и до Грановитой палаты. В идеально чистой комнате стоит рояль, который, кстати, недавно настроили, потому что актриса до сих пор поет. Мебель из красного дерева, которую Иван Александрович Пырьев купил в Ленинграде. Все детали интерьера продуманы до мелочей. На стенах портреты — Марины Ладыниной и ее семьи. Из несметных богатств — ничего...

— Марина Алексеевна, не хотели бы вас обидеть, но у вас весьма скромные апартаменты. Где гобелены, соболя и прочие богемные атрибуты?

— Я никогда не стремилась к роскоши, потому что выросла в обычной деревенской семье. Из заграничных командировок я везла все для дома. Надо мной постоянно шутили таможенники: "Вы опять везете кухонные принадлежности?.." А Пырьев всегда задавал один и тот же вопрос: "А что ты СЕБЕ, лично СЕБЕ купила?" "Когда к нам в квартиру заберутся воры, они будут очень недовольны", — часто шутила я.

Очень долго у меня даже драгоценностей не было. Вспоминаю забавный случай: во время съемок в Чехословакии мне надарили много бижутерии. Я привезла ее в Москву и раздала друзьям. Себе оставила только два колечка, которые пришлись по душе, но по размеру они были больше, чем нужно. Пошла в Столешников переулок в ювелирную мастерскую, чтобы уменьшить их. Прихожу, а там тьма народу, в одном конце комнаты сидит приемщик, а в другом — сам ювелир. Посетители меня узнали и стали предлагать пройти без очереди к ювелиру. Я дала ему кольца. Он их в руках повертел и кричит приемщику: "Вань! Записывай заказ: "Ладынина М. А. Два МЕДНЫХ кольца" (на слове "медных" он сделал особый акцент). Мне было очень неудобно, и друзья потом меня дразнили: "Ну как ты, Ладынина М. А, два медных кольца?.."

С сыном Андреем.

— Вы упомянули о семье. Кто были ваши родители?

— Я родилась в сибирской деревне Назарово близ города Ачинска Красноярского края. Мама была совсем неграмотная, отец — малограмотный. Папа был человеком необычным, интеллигентным, скромным. Когда я стала популярной актрисой, стеснялся говорить, что он — мой отец. Врал, что мы просто однофамильцы.

— Можно ли, судя по вашей биографии, сказать, что в картинах Ивана Пырьева вы играли саму себя?

— Я жила на экране, играя любовь. Мои героини, как и я, были искренними, непосредственными, жизнерадостными. Вспоминаю один случай: как-то приехала на гастроли, и после выступления ко мне в гостиничный номер ворвался юноша: "Мы с ребятами смотрели выступление на галерке и не разглядели, какая вы. Я поспорил, что приду к вам и рассмотрю..." — "И что ты скажешь своим ребятам? — спрашиваю у него. — Только отвечай честно". — "Скажу, что в вас нет ничего особенного..."

Я потом часто говорила поклонникам, что в моих героинях нет ничего особенного, но они все стремились к любви и этим, наверное, были так близки людям. Хотя если вспомнить начало творческого пути, в ГИТИСе, где я училась, у меня было амплуа инженю-драматик. Я мечтала играть Нину из "Маскарада", Катерину из "Грозы" (с ее монологом я поступала в институт)... Владимир Иванович Немирович-Данченко впоследствии говорил Пырьеву: "Что она у вас все — "гвОздочек к гвОздочку"? Вы портите нам хорошую актрису". И мне он не уставал повторять: "Никогда не забывайте, что вы наша". И поэтому театр был для меня всегда очень важен. Активно закончила выступать я лишь 10 лет назад.

— Удивительно: как с такой яркой, голливудской внешностью вам удавалось убедительно играть женщин от сохи?

— Я уже говорила: среда деревни была мне знакома не понаслышке. В детстве водила лошадей в ночное, возила в поле навоз. Но, чтобы вживаться в образы, мы продумывали до мелочей все детали. Например, для роли Галины Ермолаевны ("Кубанские казаки") я, чтобы поправиться, ела картошку и суп (несмотря на плохой с детства аппетит) и, конечно же, надевала на себя специальный, визуально полнящий меня костюм. А чтобы я казалась старше, главный гример "Мосфильма" Анджан убрал мне челку со лба назад и сделал этакий тяжеловесный пучок. Но когда приехала на натурную съемку, председатель местного колхоза мне сказал: "Марина Алексеевна, вы никогда не сыграете кубанскую казачку — лучше не беритесь за это, чтобы мы за вас не расстраивались". Я ответила: "Актеры должны играть разные роли. Я буду очень стараться, и после фильма вы мне обязательно напишите, понравилась моя игра или нет". Так и произошло. После съемок получаю ответ, который стал самой лучшей рецензией в моей жизни: **"Когда ты идешь по стерне, у тебя и юбка по ботинкам телепается, как у наших баб".**

Вообще, если говорить о внешности, то лицо у меня очень сложное, изменчивое. Иногда после бессонных съемок я выглядела потрясающе, так что даже наш оператор удивлялся: "Черт знает, когда тебя лучше снимать!.." А вот грим мне абсолютно не шел. Помню, как в 1934 году во МХАТе играла монашку Таисью. Роль не получалась, и Немирович-Данченко сказал после репетиции: "Останьтесь, я хочу поработать с вами лично". Ему нужно было посмотреть, как лучше изменить мою внешность для придания образу большей убедительности. Я была на каблуках, а он говорит: "Снимите, пожалуйста, туфли". Думаю: "Вот сниму, а чулки рваные" (я этого очень боялась, но, к счастью, обошлось). Режиссер посмотрел и сказал гримеру: "Замажьте ей брови и ресницы — надо ее сделать менее красивой". Вот так меня "упрощали". Для съемок "Свинарки и пастуха" специально приподняли нос, чтобы он был курносый, и выщипали брови, чтобы получилось "наивное" лицо.

— Марина Алексеевна, расскажите о самых непредсказуемых реакциях ваших поклонников.

— После "Кубанских казаков" мне пришла тонна писем от поклонников. Одно, из Баку, поразило. На конверте было написано: "Кубанская область. "Мосфильм". Колхоз "Заветы Ильича". Председательнице колхоза — Галине Ермолаевне Пересветовой" *(смеется)*. А однажды на натурных съемках местная жительница, увидев меня и не поверив своим глазам, схватилась за голову и с криком "А-а-а-а!" побежала в другую сторону...

Когда снимали "Любимую девушку", на огражденную территорию площадки вбежал мальчик, чтобы меня рассмотреть. Разглядел как следует, повернулся к стоящим за оградой товарищам, махнул рукой и сказал: "Под 30!" А еще как-то один поклонник написал, что я ему очень нравлюсь и он готов приехать жениться, только для этого нужно прислать ему денег на билет.

С Пырьевым.

Или вот — к вопросу о моем "богатстве": некоторые поклонники думали, что артисты — миллионеры (хотя в простойный период, между фильмами, нам не платили ни копейки), и был такой случай. Пишет беременная женщина, уверяющая, что у нее сейчас одна мечта: чтобы я ей подарила белую шубу...

Но однажды со мной произошел случай, побивший все рекорды. В 1953 году, когда Сталин уже умер, мне позвонили в дверь. Открываю — на пороге 12 мужчин. "Милая Марина Алексеевна, мы хотим передать вам подарок от нашего друга". Я их впускаю, сажаю на кухне, и они продолжают: "Спасибо огромное, что вы помогли нам скоротать время в местах не столь отдаленных", — и протягивают мой портрет на деревянной доске (причем сходство было поразительным). "Вы политические?" — заговорщически подмигивая, спрашиваю я. "Нет!" — простецки отвечают они.

— Даже в 1953 году заговорщически подмигивать и задавать такой вопрос — смелый поступок. Расскажите о ваших отношениях с официальной властью. Вы плакали на похоронах Сталина?

— Я всегда плохо разбиралась в должностях, и на официальных приемах в Кремле мне доставляло удовольствие наблюдать, как гости "незаметно для окружающих" перебирались к главному столу, где сидели члены Политбюро. Я никогда не общалась со Сталиным лично, только слышала одну историю. Фильм "Богатая невеста" ему очень понравился. "Эта актриса замужем?" — спросил он у министра кинематографии. "Нет", — ответил тот. "Тогда пусть она у нас будет богатой невестой", — сказал Сталин и дал мне орден Трудового Красного знамени.

Если честно, то я была далека от официоза. Среди моих друзей было много вольнодумцев. Леночка Васильева — вдова одного из создателей знаменитого фильма "Чапаев" — долгое время работала следователем по особо важным делам у Шейнина. Но в один прекрасный день уволилась в знак протеста против планов, касающихся необходимого количества арестов. И стала обыкновенным страховым агентом. Князь Волконский. Руководил ансамблем народной музыки "Мадригал", снимал комнату в коммуналке и был счастлив тем, что остался в России. Нина Гупало — портниха ателье Совета министров, мать Алексея Аджубея. Она всегда говорила, что думала. Когда ее однажды вызвал начальник охраны Сталина Власик и обещал отправить в места не столь отдаленные, она ответила: "Ну что ж, по крайней мере, у меня будет там хорошая компания. Но вы не сделаете этого. Бабы ваши не дадут, потому что я научила их красиво одеваться..."

На похоронах Сталина я не плакала, а, прикрыв глаза рукой, смотрела на реакцию окружающих. Рядом сидела актриса Эмма Цесарская (у нее репрессировали мужа) и рыдала. А я ее шепотом спросила: "Ты что плачешь? Жалеешь, что он у тебя сына не расстрелял?.." Эмма с ужасом отшатнулась. Инстинкт страха был так силен, что людям казалось, что Сталин еще живой.

— Несмотря на то что вы относились к власти, как говорится, без придыхания, все-таки были ею признаны. Недаром Богословский сострил по поводу "11 лауреатов". Как вы относились к своим пяти лауреатским званиям?

— Да, у меня пять Сталинских премий. Дело не в этом: был такой дух времени. Ну и что? Да и получали их прежде всего картины. Награды ничего не значили для человека, если он не умел ими козырять. У меня было столько наград — и меня не снимали десятилетиями. Значит, мне они не помогли так, как кому-то другому. Я не любила их носить и надевала лишь при необходимости, когда в приглашениях было написано "при орденах". Когда ехала на приемы, маскировала их красивой косынкой. Однажды таксист, который меня вез на прием в Большой театр (а мы очень сильно опаздывали), сказал: "Снимите платок, чтобы были видны награды, — и тогда успеем".

— Значит, бремя славы вас не тяготило?

— К славе я относилась легко. Комплименты, хорошие слова — не то чтобы в них не верила... я не культивировала их в своем сознании. Потому что считаю: нельзя увлекаться самим собой. Помню смешной случай. После фильма "Трактористы" я поехала отдыхать в Болшево, в актерский Дом творчества. Уже по дороге началось веселье. Поймала такси, еду, а сама волнуюсь, хватит ли денег заплатить за него. Проезжаем мимо какого-то дома, а на нем — огромный плакат с изображением Марьяны Бажан из "Трактористов" с надписью: "Я храню деньги в сберегательной кассе". И шофер шутит: "Ша! Кого везем!.." Приезжаю, расплатилась (денег, к счастью, хватило), встретилась с директором пансионата, который был шутником и обожал розыгрыши, и прошу его: "Не будите меня к завтраку, я очень устала". И что вы думаете, рано утром он стучит в дверь: "Марина Алексеевна, я хочу занять у вас денег!" — "Какие деньги?! Я вчера все таксисту отдала!" — искренне возмущаюсь я. "Сейчас по радио объявили, что вам присудили Сталинскую премию за "Трактористов". — "Ну тогда с меня угощение", — говорю я. И вечером всех отдыхающих угостила шампанским и пирожными.

Эта история имела забавное продолжение. В одной из загранкомандировок подошел посольский работник: "Марина Алексеевна, я знаю, что вам дают мало командировочных в валюте. Давайте я вам дам, а вы такую же сумму в рублях передадите моей маме в Москве". Отказываюсь, потому что знаю, какие могут быть последствия. А он: "Я был у вас в гостях!" — "Неправда, я помню всех своих гостей", — отвечаю. "Я в Болшеве отдыхал, когда вы нас всех угощали", — отвечает он. Только после этих слов я решилась пойти на "авантюру" с деньгами...

— Так вы любите рисковать?

— Да, характер с детства у меня был отчаянным. Когда для "Кубанских казаков" нужно было подучиться ездить на лошади (я это умела с детства), Пырьев нашел мне инструктора. На втором занятии я сказала, что поеду сама. А он в ответ: "Была у нас одна такая смелая на конюшне — разбилась..." Если с лошадьми проблем не было, то на мотоцикле до фильма "Трактористы" я ездить вообще не умела. Что там мотоцикл: когда садилась на велосипед, всегда на что-то натыкалась и падала. Мне назначили дублершу моего роста, для нее сшили точно такой же костюм, но я твердо решила все делать сама на площадке. Съемки проходили в степях под Николаевом. Зная мой упрямый характер, Иван, уезжая по делам в Киев, запер мотоцикл в сарае, а мы с Колей Крючковым выкрали ключи. Николай посадил меня на большой новый мотоцикл, а сам сел на какой-то маленький и старый. Показал, как завести, и мы поехали. Вдруг его "машина" зачихала и остановилась. "Не дрейфь, Машка! Я тебя скоро догоню", — крикнул Коля. Я в ужасе: ведь как останавливаться, он показать не успел. Вдруг вижу, у меня на пути степная балка, и если в нее попаду — разобьюсь. Вспомнила, как в институте нас учили падать. Я накренила мотоцикл, упала, а он — на меня. Лежу, загораю, потому что сил его поднять нет. Слышу, чихает Колин мотоцикл. Он подъезжает, смеется. Вытащил меня. После этого случая Пырьев выделил мне тренера и разрешил ездить в кадре самой.

— Ивану Александровичу, наверное, было тяжело с вами справиться? Он волновался, а вы все равно гнули свою линию...

— Однажды мне позвонили из газеты "Антенна" и попросили рассказать про наши отношения с Пырьевым. Я им, как и вам, отвечаю. Я его любила, и он меня любил. Мы и разошлись, любя друг друга. И мои подруги, которые еще живы, до сих пор говорят: "Ты помнишь, как он вставал на колени и целовал тебе руки?.." Я до сих пор люблю Ивана таким, каким я его помню в лучшие годы нашей семейной жизни...

— Вы были необычайно импозантной парой: он — высокий, румяный, и вы — красавица. Но это не мешало вашим партнерам по фильмам и поклонникам влюбляться в вас очертя голову?

— Влюблялись, но эти случаи не имели воплощения и продолжения. Поклонники мне признавались в чувствах, но добавляли: "Мы очень боимся Пырьева".

Фотографию Марины Пырьев 25 лет носил с собой. Это была неземная любовь (ее результат — сын Андрей Ладынин, кинорежиссер, снявший такие детективные фильмы, как "Победитель", "В последнюю очередь", "Пять минут страха", "Версия полковника Зорина" и др.). Не любить ее было невозможно. Марина Алексеевна следила за собой так, что ей даже не понадобились пластические операции. Ее вес всегда был один и тот же: 50 килограммов при росте 1 м 59 см. Она не придерживалась никаких диет — просто очень много двигалась. Могла "гулять" от Котельнической набережной до метро "Аэропорт", где жила ее подруга. Лишь 15 лет назад она перестала посещать бассейн "Москва", а 10 лет — активно выступать в Театре киноактера.

Я спросила: "Почему вы с Пырьевым расстались, любя друг друга?" Отвечать на этот вопрос она не захотела. Лишь сказала, что так сложилось. Но вот что важно: ни у режиссера, ни у нее в жизни больше не было такой великой любви... После разрыва с Пырьевым она очень страдала от злословия и издевок окружающих. Ведь многие уверяли, что Ладынина, не без помощи своего экс-мужа, — богатая и упакованная госпожа. С грустью в голосе Марина Алексеевна рассказала один случай, который просто не может не шокировать даже простого, не обремененного лаврами славы человека.

— Иван умер в 1968-м, а моя мама — в 1972 году. Я решила ее похоронить на Ваганьковском кладбище, рядом с отцом. Пришла в дирекцию. Там сидит весьма суровый мужчина: "Место на кладбище записано на ПырьЁва, пусть он распорядится, чтобы похоронили вашу мать". Я ему: "А Пырьев уже умер". — "Тогда несите такую справку", — отвечает директор. Я поехала за справкой, в тот же день ее привезла. "А теперь, — говорит он, — мне нужна справка, что вы развелись". Я на него так посмотрела, что он испугался и говорит: "Ну ладно, из уважения к вашему МАСТЕРСТВУ (так и сказал — не таланту, а мастерству) я разрешу вам похоронить мать на этом участке".

Вот вам и слава...

— Марина Алексеевна, расскажите о том, как вы живете сейчас?

— Когда мне задают этот вопрос, отвечаю: "Хорошо, только с юмором плоховато". Но остаюсь по-прежнему жизнерадостной. Я люблю жизнь, и мне все безумно интересно. До сих пор решаю, что такое КРАСОТА, ЛЮБОВЬ, ДОБРО, ЗЛО, ЗАВИСТЬ. Познание жизни для меня — бесконечно. Если бы спросили, чего я бы хотела себе пожелать, ответила: "Чтобы не изменились мои взгляды на жизнь. Потому что, если они не изменились, молодость всегда с вами".

Марина ВОЛКОВА,
Ирина СЕДЕНКОВА.
Фото из архива Марины ЛАДЫНИНОЙ.

ТЕЛЕФОН 256-9527
ФАКС 253-2086